

Вспоминает Ауне Круземент.

Мне было два года и семь месяцев, когда меня с матерью и шестилетней сестрой отправили в Сибирь. Остались в памяти места, где пришлось там жить, но как назывались эти поселки, не знаю. Помню избу, где мы в начале обитались на квартире, большую печку, которую надо было топить, но все равно было холодно. У сестры там было свое отдельное место, где она спала, а мы с мамой спали вместе. Моя сестра там долго-долго болела, и мне запрещали к ней подходить. Потом жили где-то в другом месте, там было уже намного хуже и голодней. Еще помню, как обитались в каком-то сарае около большой дороги и ждали маму, которая ходила просить разрешения переехать в другой поселок. Это было весной, рядом было какое-то поле, и мы с сестрой ходили по нему искать прошлогоднюю картошку.

В поселке, куда перебрались, когда маме дали на это разрешение, поселились у молодой местной женщины, которая жила одна и ждала ребенка. Муж ее был на фронте. Мама ходила на работу, а в уплату за проживание должна была помогать хозяйке. Когда родился ребенок, мне разрешили качать колыбель. Но вскоре приходившая к хозяйке ее теща заметила, что наша мама становится все слабей и не справляется со всеми работами. Она заставила ее пойти в медпункт к фельдшеру. Мама вернулась подавленная...

Хорошо помню тот день. Мне уже было пять лет, и я самостоятельно бродила по деревне, ища контакты с детьми. Но местные дети меня не признавали своей, и называли фашистом. От голода я выпила молоко из бутылочки, которую оставил кто-то из местных ребятишек. Меня окружила враждебная ватага... Старшая сестра спасла меня от них, плачущую увела домой и рассказала мне о болезни матери. Сказала, что нам придется покинуть эту квартиру.

На следующий день со своими сумками мы ушли из этой деревни. Сестра была грустной, она опять не смогла закончить класс в школе... В пути мы часто отдыхали. Я думала, что останавливаемся из-за меня, и хотела идти быстрее, но сестра, умница, хотя и была еще ребенком, дала мне понять, что мама смертельно больна и не может быстро идти.

Последнее место, где мы жили с мамой, - какой-то сарай у большого дома. Вместо кровати была широкая дверь, на которой мы втроем вместе спали. Там рядом с нами мама и умерла. Сейчас знаю, что это было летом 1944 года.

Такие же, как мы, высланные эстонцы похоронили маму. До кладбища было далеко и нас туда не взяли. В день похорон одна русская женщина дала нам кусок хлеба и огурец. Это запомнилось мне на всю жизнь.

Вскоре нас отправили в детский дом. Помню, покидая деревню, мы заботились, что станет с капустой, которую посадили еще вместе с мамой.

Наконец осенью 1946 года нас привезли на пароходе в город, где были деревянные тротуары, а потом по железной дороге повезли в родную страну.

По прибытии в Таллин, нас помыли в бане. Затем вызвали врача, и он сразу отправил сестру в больницу.

Я увидела ее только через месяц у нас дома в амбаре, где она лежала в гробу. Я не могла отвести взгляд от ее маленькой, такой знакомой мне дорогой руки, хотела взять ее, хотя бы дотронуться до нее. Подошла, прикоснулась и поняла, что у меня нет больше сестренки.

Через месяц мне исполнилось восемь лет...